

среды для развития радикализма, слабая работа правоохранительных органов по борьбе с такими преступлениями, как незаконное хранение оружия, изготовление взрывчатых веществ, боеприпасов, межконфессиональные, межэтнические и иные социальные противоречия, – все это отражает те аспекты, на которых необходимо фокусироваться при разработке и осуществлении мер по противодействию процессу становления личности в частности, так как становление личности преступника-экстремиста является сложным и многогранным процессом, и показывает возможность комплексного подхода в противодействии механизмам его формирования, а именно предотвращения радикализации через просвещение, превентивные меры, включающие в себя предупреждение экстремизма, переориентацию и реабилитацию потенциальных и активных преступников-экстремистов.

Таким образом, успешное противодействие процессу становления личности преступника-экстремиста требует учета многих факторов, таких как непосредственные причины экстремизма, идеологические убеждения, психологические особенности для совершенствования подходов и адаптации профилактики и борьбы с формированием экстремистской мотивации.

Коротцова А. С.

К ВОПРОСУ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»

Коротцова Ангелина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, angatogilev17@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Анализ юридической техники, а также нормативного изложения понятия «коррупции» (абз. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон)) показал несоответствие толкования данного термина в части использования оборота «для себя или для третьих лиц» и ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), где одним из условий ответственности является получение взятки «для себя или для близких».

В отличие от «третьих лиц», понятие «близкие» нашло закрепление в п. 3 ч. 2 ст. 4 УК. Так, содержание данной нормы позволяет выделить три таких категории: 1) близкие родственники; 2) члены семьи; 3) иные лица, которых обоснованно признают своими близкими. Нормативное определение «близких родственников» предоставляет нам возможность оперировать такими понятиями, как: близкое родство, вытекающее из кровного родства между родителями и детьми, родными братьями и сестрами, дедом, бабушкой и внуками; усыновление; супружество; свойство. Вместе с тем абз. 10 ст. 1 Закона к числу близких родственников две последние категории (супружество и свойство) не относит. Однако, изучая положения Закона, их наличие было усмотрено (например, ст. 17 устанавливает определенные ограничения для супругов и свойственников). Закон также не определяет «членов семьи», тогда как п. 2 ч. 2 ст. 4 УК это предусматривает. Категория «иные лица, которых обоснованно признают своими близкими» четкой

конкретизации не получила ни в УК, ни в Законе. Вместе с тем авторы комментария к УК 2019 г. допускают признание в качестве таковых «друзей и друзей при наличии данных, свидетельствующих об исключительном взаимном доверии, тесной привязанности, общности интересов, взаимопомощи». Термин «третьи лица» в УК и Законе также не нашел своей интерпретации, однако к нему активно обращается цивилистика (В. П. Скобелев и др.). При этом лишь специальные законодательные акты предусмотрели его разъяснение: ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», п. 3¹ ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур».

Из содержательного момента понятия «коррупции» замечаем, что оборот в первую очередь «для себя» и далее – «для третьих лиц» предполагает наличие корысти как ведущего мотива. Несмотря на однозначность сказанного, рассматриваемый аспект все же является дискуссионным. Так, Н. А. Бабий, в частности, указывает на проблематичность дифференциации корысти на цель и мотив. Первый случай (корысть как цель) определяется получением имущественной выгоды: 1) для себя или для близких лиц (данный оборот содержит УК, литературой понимается узко); 2) должностным лицом или иными лицами (противоречит принципу строгого толкования норм УК, при этом позволяет широко интерпретировать последних). Данный подход присущ уголовному закону Республики Казахстан («для себя или других лиц») (ч. 1 ст. 366), а российский законодатель, устанавливая ответственность за получение взятки, подобный оборот не использует. Корысть как мотив, в свою очередь, также не исключает вышеназванные вариации.

Полагаем, обоснованно существенным моментом при выборе нормативного оборота выступает наличие у должностного лица материального интереса в процветании определенных лиц. В таком случае мы можем говорить исключительно о «близких лицах», поскольку фактически не представляется возможным усмотреть реализацию подобного интереса в отношении «третьих лиц». Обращаем внимание, что предшествующий Закон «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» 1997 г. в термине «коррупция» использовал оборот «для себя или близких родственников» (абз. 6 ст. 1), а упоминание о «третьих лицах» отсутствовало. Сказанное свидетельствует о том, что законодатель в действующем Законе последовал расширительному подходу, что на сегодняшний день оставляет поле для дискуссий.

Резюмируя исследуемый вопрос, усматриваем следующее. Во-первых, следует принять во внимание наличие коллизионного содержания термина «коррупция», ведущее к недопустимой аналогии закона. Во-вторых, полагаем целесообразным привести в единообразный нормативный вид оборот «третьих лиц» в понятии «коррупция», поскольку концептуально «иные лица» не входят в круг лиц, в благополучии которых заинтересован виновный. В-третьих, введенный Законом расширительный подход не позволяет четко конкретизировать круг «третьих лиц».